DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-133-144
УДК 8.81

ЛЕГЕНДА О КОРОЛЕ АРТУРЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ТРИЛОГИИ Б. КОРНУЭЛЛА «WARLORD CHRONICLES»)

© Анастасия Шарапкина, Ольга Сапунова

THE LEGEND OF KING ARTHUR: MYTH TRANSFORMATION IN FICTION (BASED ON THE TRILOGY “WARLORD CHRONICLES” BY B. CORNWELL)

Anastasia Sharapkina, Olga Sapunova

This paper analyses the transformation of the myth about King Arthur within the modern context based on the thorough linguistic analysis of the trilogy “Warlord Chronicles” by Bernard Cornwell. Our main task here was to show how the myth about King Arthur and the original image of the character change in fiction adapting to the worldview and ideals of contemporary society. The conceptual analysis allowed us to identify three constituent parts in the image of Arthur: *warrior*, *ruler*, *human*. A comprehensive linguistic analysis of the trilogy shows that the protagonist’s character changes as the plot unfolds and each of the internal contradictions, upon which the image is based, intensifies; these changes are manifested at the lexical and syntactic levels. The frequency of the linguistic means, used to portray the main character, shifts. A corpus analysis of the trilogy text confirms our conclusions about the ambivalence and internal inconsistency of the character, and provides the evidence that *human* prevails over the other two elements – *warrior* and *ruler*. It becomes the main source of the transformation of the legendary character and a means of the myth re-actualisation.

Keywords: legend of King Arthur, Bernard Cornwell, myth transformation, myth re-actualisation, conceptual analysis.

В статье рассматриваются способы трансформации мифа о короле Артуре в современном контексте на примере всестороннего лингвистического анализа текста художественного произведения – трилогии Бернарда Корнуэлла «Warlord Chronicles». Задачей авторов было показать, как миф о короле Артуре и исходный образ героя меняются в художественном произведении, адаптируясь под мировоззрение и идеалы современного общества. Концептуальный анализ, выполненный на первом этапе исследования, позволил выделить три ключевых элемента в образе Артура – «воин», «правитель», «человек». Последующий комплексный лингвистический анализ художественного текста показывает, что характер персонажа меняется по мере развития сюжета: усиливаются внутренние противоречия каждой из данных составляющих, на которых строится литературный образ; эти изменения проявляются на лексическом и синтаксическом уровнях. Происходит смещение частотности языковых единиц, используемых для создания образа героя в романе. Корпусный анализ текста трилогии подтверждает выводы об амбивалентности характера и внутренней противоречивости персонажа, а также позволяет заключить, что именно превалирование в литературном образе компонента «человек» над двумя другими компонентами концепта – «воин» и «правитель» – является главным источником трансформации мифологического образа и средством его реактуализации в современном контексте.

Ключевые слова: миф о короле Артуре, Б. Корнуэлл, трансформация мифа, реактуализация мифа, концептуальный анализ.

I. Введение

Миф о короле Артуре, зародившийся еще в V–VI веке н. э. и преломленный в средневековой культуре, являлся объектом мифотворческого, литературного и культурного переосмысления в Англии и Америке на протяжении почти пятна-

дцати столетий. Мирче Элиаде подчеркивал неизбывную мифологизированность человеческого сознания, которая проявляется даже у современного нерелигиозного человека, оставаясь в виде «замаскированных мифов и ритуалов» [Eliade, с. 204–205]. На протяжении столь долгой истории

многочисленных нарративных преломлений Артура дополнялась новыми персонажами и артефактами, а каждая интерпретация «трансформировала» миф, что позволяло ему служить моделью для сюжетов общечеловеческого характера. Особенно значительным изменениям миф об Артуре подвергается в современных трактовках, что свойственно процессу «реактуализации» мифического пространства [Миранович]. В интерпретациях XX–XXI веков происходит демифологизация образа Артура через ироничное переосмысление определённых героев или их очеловечивание.

В целом, в современных интерпретациях фигура Артура изображается намеренно архаично и настолько реалистично, насколько позволяют исторические знания. Исследователями литературы была отмечена тенденция к большей исторической точности (*historical approach to Arthur*) [Snyder, с. 114]. Намеренная архаизация описываемой действительности дополняется красочным описанием батальных сцен и классическими героическими образами, романтизированными представлениями о кельтских верованиях. Однако за красивым и правдоподобным фасадом кроются вопросы, волнующие, в первую очередь, современных читателей; следовательно, образ Артура – это «зеркало» современного мировосприятия.

Тем не менее, несмотря на значительные трансформации, образ Артура и миф о нем остается узнаваемым: это происходит благодаря заложенным в нем «культурным смыслам» [Серенков, с. 40]. Современный артуровский миф в определенной мере представляет собой ментальный конструкт, состоящий из неизменных и изменяемых, трансформируемых элементов.

В фокусе нашего внимания одна из современных интерпретаций артуровского мифа – трилогия английского писателя Б. Корнуэлла «Сага о короле Артуре» («The Warlord Chronicles») (1997–1999), включающая романы «Король Зимы» («The Winter King»), «Враг Божий» («Enemy of God») и «Экскалибур» («Excalibur») [Cornwell]. Роман выделяется на фоне других подобных произведений значительной исторической проработкой известных исторических источников и органичной модернизацией ключевых образов, а также свежим взглядом на классические средневековые сюжеты.

Целью настоящей работы является изучение лингвистических средств трансформации мифа о короле Артуре в современном романе как воплощении ключевых элементов восприятия древнего мифа читателями современности. Поэтому была поставлена задача выделить неиз-

менные особенности образа Артура в романе и сопоставить их с ядерными характеристиками концепта «король Артур». В данной работе мы применяем интегративный подход, объединяющий концептуальный анализ [Комова] и традиционные филологические подходы к изучению художественного текста.

II. Основные концептуальные характеристики Артура

Любое новое преобразование мифа – это неизбежное переосмысление и расшатывание границ возможных интерпретаций в диалоге с уже устоявшимися, стереотипными представлениями. В своем преобразовании автор романа действительно опирается на давно сложившийся набор признаков, формирующих концептуальную структуру «король Артур», о чем он говорит в своем интервью: «Читатель привнесет свои предположения <...>, и они достаточно поверхностны (*fairly primitive*). Для большинства читателей Артур – великий замечательный король, Гвиневра прекрасна и предает его, Ланселот – раздираемый противоречиями герой и т. д.» [Thompson]. Каждое из возможных противоречий подробно изучается под «художественным микроскопом».

Ранее нами были выделены основные (ядерные) концептуальные характеристики на основе анализа словарных дефиниций. Это: 1) дискурсивность, воплощенная в *story, legend, words, literature, books, tradition*, и мифологичность; 2) недостоверность его существования, формируемая рядом средств, отраженных в словарных статьях, таких как *legendary, mythological, nobody knows if the stories are true*; 3) привязка к пространству и связь с Британией; 4) временная отнесенность – связь с прошлым Британских островов (*old stories, medieval*); 5) высокое положение в социальной иерархии; королевская власть и военное могущество, выраженные через лексему *king*. Эти характеристики дополняются лексико-семантическими группами слов, указывающих на воинскую доблесть полководца (*Bretwalda, leader*), набор обязательных артефактов (*Excalibur, Round Table*) [Шарапкова]. Проведенный также эксперимент методом свободных ассоциаций среди представителей английской и европейской культуры (40 ответов) выделил как предсказуемые ассоциации, так и указывающие на противоречие между героическими характеристиками и личностными слабостями: *tired, trying to make peace, the greatest king but still troubled, why we can't have nice things, what we aspire to be, tragic, tragedy, suffering, a good guy but stupid, fall from grace*.

Отметим, что на протяжении всей трилогии автор переосмысляет противоречие между дискурсивным и реально-историческим пространством, поскольку каждый роман трилогии исследует трансформацию героя в мифе и зарождение мифа. Повествование в трилогии ведется не от лица рассказчика-демиурга, а через военного соратника Артура – Дервеля. Именно таким образом решается проблема недостоверности и неполноты исторической информации о нем. Так, Артур вновь обретает свое существование в рассказанной и написанной истории – дискурсивной реальности, а автор постепенно смещает акценты: от недостоверной или личной истории к сказке и, наконец, к истории, сохраняющейся в веках, или вневременному мифу.

III. Анализ трилогии: часть первая, «The Winter King»

В первой части трилогии описывается «становление» Артура. Результаты лингвостилистического и корпусного анализа позволяют выделить следующие социальные роли Артура: он представляется как слуга короля, перед которым преклоняет колено, лорд, искусный воин и главнокомандующий войска; герой пользуется авторитетом в королевстве и за его пределами и избран Мерлином на роль защитника государства: он единственная надежда Думнонии на мирную, безопасную жизнь и гарант защиты страны.

Обозначенные социальные функции заимствованы из ядра концепта; однако, отдав дань читательским ассоциациям, автор начинает трансформировать исходный – «легендарный» – образ, наделяя героя большим количеством черт, присутствующих скорее человеку, чем мифологическому герою: Артур еще молод и эмоционален. При этом проявляются как положительные, так и отрицательные эмоции (см. табл. 1), что можно проследить по моделям *Arthur + verb // Arthur + verb + adjective // Arthur + verb + past participle* и эмотивным фразам. В целом, набор выделенных лексических единиц характеризует Артура как довольно спокойного, уравновешенного человека, хотя и не лишённого яркого проявления эмоций: наиболее частотные глаголы *smile* (8), *sigh* (3), *frown* (2), *shout* (2), *shudder* (2), наречия *calmly* (3), *carelessly* (2), *gently* (2).

Таблица 1.

Лексические маркеры эмоциональности короля Артура

	Положительные эмоции	Отрицательные эмоции
1 кн.	<i>smile</i> (9, в т.ч. <i>say with a smile</i>), <i>calmly</i> (4, в т.ч. <i>stay calm</i>), <i>gently</i> (2)	<i>sigh</i> (3), <i>frown</i> (2), <i>shout</i> (2), <i>shudder</i> (2), <i>carelessly</i> (2), <i>anger / angrily</i> (2)

	<i>hug, laugh, sympathize with sb, be careful, be pleased; shake his head in sympathy; take no offence respectively; optimistically, simply, brightly, mildly, courteously; willingly</i>	<i>spit at sb, plead; be besotted, be full of re- crimination, be ill-disposed towards sb, be obsessed, be worried; appear with a set, stern face; sarcastically; brusquely; gravel; troubled, bewildered; sadly; bitterly, dubiously, gloomily, heavily, miserably, rather too forcefully, sourly, tiredly, unexpectedly and harshly</i>
2 кн.	<i>gently</i> (3), <i>happy/ happy</i> (3) <i>gallantly, calmly, courtesely, pleasantly, placidly, fondly, plainly, softly; cry with joy</i>	<i>anger / angrily</i> (7), <i>grimly</i> (3), <i>sadly</i> (2), <i>wearily</i> (2), <i>bleakly</i> (2); <i>dislike</i> (2) <i>defiantly, dismissively, heavily, scornfully, ominously, worriedly; dangerously; be genuinely horrified; be in no mood to give a mercy; grant mercy on one condition; be very suspicious; call, real pain in his voice; have no mercy; hate; ignore serenely; not to believe plainly; with a grin; with a trace of sarcasm</i>
3 кн.	<i>happily</i> (2), <i>mildly</i> (2); <i>laugh</i> (2 + <i>laugh sourly</i>), <i>calmly, smile</i> (1 + <i>had rarely smiled</i>), <i>love</i>	<i>shout</i> (10), <i>grimly</i> (3), <i>sharply</i> (2), <i>firmly</i> (2) <i>worriedly, gloomily, fiercely, irritably, in exasperation, confidently, hurriedly; laugh (sourly), had rarely smiled</i>

Артур характеризуется как обаятельный, дружелюбный и эмпатичный молодой человек (*men and women became more cheerful when Arthur was in their company; Arthur wanted only friendship; Arthur had the happy talent of understanding*), с широкой, открытой улыбкой (*open generous smile*; сочетание *Arthur + smile* употребляется 7 раз), ему многие симпатизируют (ср: паттерны *like – 4 / love / adore + Arthur*). В то же время Артур не лишен слабостей, свойственных обычным людям, и они могут препятствовать управлению страной: он превыше всего ценит порядочность и недооценивает значимость института власти (*Ar-*

thur confuses morality with power [Cornwell, т. 1, с. 335] – ‘Артур путает мораль с силой’), поэтому хочет видеть лучшее в людях (*Arthur was ready to believe the best about people* [Там же, с. 271] – ‘Артур был готов верить в лучшее из того, что говорили о людях’)¹, что часто мешает ему увидеть истинное лицо человека.

Эти качества существенно осложняют путь Артура к власти: из-за происхождения герою придется доказывать, что он достоин высокого чина и титула (*[Arthur] holds his rank because of Mordred's age, not through his own birth. For Arthur to succeed he must be bolder than other men* <...> [Там же, с. 374]. – ‘Артур занимает это место из-за малолетства Мордреда, а не по праву рождения. Артуру, чтобы унаследовать престол, нужно быть храбрее, чем кому бы то ни было’), но он не обладает безоговорочным авторитетом и признан далеко не всеми: у Артура много врагов, которые ставят под сомнение его происхождение и право на престол (*Arthur the upstart bastard; Arthur is an upstart; Aelle ... was, unlike Arthur, a king; Arthur, son of nobody*), его способности как военачальника и правителя (*Britain is a cauldron ... and Arthur will stir it to horror; Arthur broke Britain; Arthur had brought panic and death*; – ‘Британия – это котел ... и Артур перемешивает его, доведя до ужаса; Артур развалил Британию; Артур принес панику и смерть’).

Наконец, Артур – человек страстный (*a man of passion*) и часто бывает импульсивен (*Arthur was a man of impulse* – ‘Артур был импульсивным человеком’). Под влиянием порыва Артур влюбляется в Гвиневру (*Arthur could not take his eyes from Guinevere*) и предпочитает свои чувства интересам государства: он отменяет свой, уже оговоренный, династический брак ради женитьбы на возлюбленной и тем самым уничтожает всякую надежду на мир в Британии: *I understood why Arthur had risked a kingdom's peace for this woman* [Там же, с. 276] – ‘Я понимал, почему Артур рискнул миром в государстве ради этой женщины; <...> Instead of peace there was a sullen truce, and he knew it could not last [Там же, с. 172] – <...> Вместо мира царило гнетущее затишье, и он знал, что даже оно не продлится долго’.

Шаткое положение Артура как потенциального правителя осложняется религиозным вопросом (в королевстве идет борьба между сторонниками древних богов, христианами и многочисленными сектами). Первостепенная задача

правителя Думнонии – защитить королевство от враждебно настроенных соседей и сохранить религию предков. На эту роль главный друид Мерлин избирает Артура (*Arthur is Merlin's sword*). Однако никто не знает точно, какой религии придерживается сам Артур и верит ли в богов вообще (“... *Arthur doesn't believe in the Gods*,” *Owain said*, “<...>. *He doesn't even believe in that milksop God the Christians worship. So far as I can make out Arthur doesn't believe in anything, except big horses* <...>” [Там же, с. 103] – ‘Артур не верит в богов, – сказал Овейн, – Он не верит в этого молокососа бога, которого боготворят христиане. Так, насколько я понимаю, Артур не верит вообще ни во что, кроме своих лошадей’). Многие считают, что он использует религиозную принадлежность в политической игре: *Arthur does believe. <...> Arthur believes, but he keeps his beliefs very silent. That way the Christians think he is one of them, or might be, and the pagans believe the same, and so both serve him the more willingly. <...>*” [Там же, с. 183] – ‘Артур верит. Артур верит, но молчит об этом. Поэтому христиане считают, что он один из них, и язычники думают то же самое, а в результате и те, и другие подчиняются с большей охотой’.

Таким образом, мы можем выделить три составляющие в образе молодого Артура, каждую из которых можно охарактеризовать набором признаков (см. рис. 1, схема слева). Три элемента находятся в непрерывном взаимодействии. Все приведенные ключевые характеристики можно считать постоянными для персонажа за исключением прилагательного *влюблённый* – эта характеристика добавляется, но также становится неотъемлемой чертой персонажа. Характеристики элементов «воин» и «лорд» (этот элемент пока нельзя назвать «король» или «правитель» в силу статуса героя в первой книги трилогии) совпадают с концептуальными (*noble, just, brave, cool, masculine, honour, royalty, power*), в то время как «человеческая» сторона только частично совпадает со списком свойств, обычно приписываемых персонажу.

¹ Здесь и далее перевод наиболее сложных примеров наш – А.Ш., О.С.

Рис. 1. Динамическое развитие представлений об Артуре на основе лингвистического анализа романов «The Winter King», «Enemy of God» и «Excalibur».

IV. Анализ трилогии: вторая часть, «Enemy of God»

Вторая часть трилогии повествует о попытках Артура сплотить королевства Британии против саксов. Он не изменяет своим принципам, оставаясь приверженцем мирной политики и дипломатии: <...> *Arthur hated to see good order and careful diplomacy abandoned to the chances of battle* [Cornwell, т. 2, с. 5] – ‘Артур не выносил, когда установленный порядок и тонкая дипломатия отвергались при первом намеке на возможность военного конфликта’, однако реальность диктует свои условия: мир и процветание Британии может обеспечить только военная компания: *But diplomacy and tact would never defeat the invading Saxons who were spreading westwards across Britain like vermin* [Там же] – ‘Но дипломатия и такт никогда не переселят вторгшихся саксов, расплозаящихся, как паразиты, по всей Британии с востока на запад’.

Артур по-прежнему добр (*the kindest of men; not the man to hold a grudge*) и верит в людей (*I believe in mankind*), но из-за многочисленных испытаний в нем начинает проявляться твердость и жесткость: “*Did you not know that hardness in Arthur? <...> He is all that stands between us and horror,*” *Ceinwyn said, “how could he be anything but hard?”* [Там же, с. 139] – ‘«Ты когда-нибудь замечал эту жесткость в Артуре?» – «Он – единственное, что отделяет нас от бездны, – сказала Кейнвин, – Он не может не быть жестким»’. Герой эмоционален и также активно проявляет свои чувства; однако теперь эмоции преимущественно негативные, а не позитивные (см. табл. 1). Так, лексема *anger* появляется в данном романе чаще двух других в трилогии и в следующих конструкциях: *Arthur + verb + adv.* / *Arthur + verb + noun phrase* (7 раз). Это самая частотная эмотивная характеристика.

Во втором романе Артур проявляет себя преимущественно как воин, дипломат и правитель; при этом в сознании самого персонажа компоненты «воин» и «правитель» являются антагонистичными: будучи приверженцем мирной политики, он ведет военные кампании только вынужденно; его мечта – стать хорошим, честным и справедливым правителем. Свое королевство он видит хорошо организованным, справедливо управляемым и мирным (*Arthur dreamed of a well-ordered, lawfully governed, peaceful Britain <...>; Arthur’s Britain; his Britain*). Особенно важны для Артура справедливость и отсутствие войн: *peaceful, united Britain; well-ordered, lawfully governed, peaceful Britain; well-ordered Britain*. В реальности же Британия разобщена: много королей и претендентов на престолы; много враждующих религий и сект.

Вопрос о принадлежности Артура к одной из религий, не разрешенный в первой части трилогии, ставится особенно остро и раскрывается во второй книге. Миротворитель в политике, герой и в духовной сфере предпочел бы мирное сосуществование богов, он терпим и толерантен в отношении других религий: *I do hate all this rancour about Gods; I won’t fight other Britons just because they worship another God* – ‘Я ненавижу религиозную вражду; Я не буду биться с другим бриттом только из-за того, что он поклоняется другим богам’. Самого героя нельзя назвать атеистом: он верит в высшие силы, но в то же время осознает, что мир изменился, и не хочет упрямо цепляться за прошлое: *I believe in the Gods, Derfel, but do the Gods believe in Britain? This isn’t the old Britain <...>. We are what we are, Derfel, not what we once were. We have a hundred Gods now, not just the old Gods, and we cannot turn the years back <...>* [Там же, с. 33] – ‘Я верю в богов, Дерфель, но верят ли боги в Британию? Это

не бывая Британия. Мы такие, какие есть, Дервель, а не какими были когда-то. У нас сейчас десятки богов – не только те, древние, боги; и мы не можем повернуть время вспять’.

У Артура нет уверенности в правоте конкретной религии, поэтому он пользуется религией как политическим оружием. Сначала в этом была сила Артура, но это же стало его катастрофой: Артур упустил момент, когда религиозные группы начали выходить из-под контроля, потеряв доверие к герою, и начали искать «своих» правителей. Особенно натянутые отношения у Артура с христианами, которые считают его «врагом Бога» (*Arthur's an enemy of the Christians; Arthur ap Uther ap Satan; Enemy of God; a spawn of the devil*); это опасно, так как влияние относительно новой религии на острове растет, как и количество ее последователей.

Артур также допустил ошибку, потеряв контроль над Ланселотом, который в трилогии представлен как двуличный, испорченный, трусливый и жестокий. В конфликте с ним также раскрывается характер Артура: <...> *Lancelot behaves as he likes with Arthur. He takes what he wants and does what he wants, and he can do it because Arthur has that ridiculous quality called guilt.* <...> [Там же, с. 33] – ‘Ланселот ведет себя с Артуром как ему вздумается. Он получает, что хочет, и делает, что заблагорассудится, а позволено ему это потому, что Артур обладает одной смехотворной особенностью характера, известной как «чувство вины». Артур потерял возможность держать Ланселота в поле зрения; жадный до власти принц предал лорда, перебежав к врагам Артура, и хитростью начал собирать вокруг себя недовольных Артуром: *Lancelot snatches himself a much more suitable kingdom, and Cedric doubles his own power and gets Lancelot instead of Arthur as his neighbour on the coast* [Там же, с. 101]. – ‘Ланселот отхватил куда более подходящее королевство, а Седрик удвоил власть, получив в качестве соседа на побережье Ланселота вместо Артура’.

Артур потерял чуткость и в отношениях с Гвиневрой, от которой он все еще без ума: “*I thought of Arthur's ungovernable passion for Guinevere <...>. He had been blinded by love, swept by it, made mad by it*”; *Arthur, seated on Guinevere's other side, beamed with pleasure. He always looked happy when he was with his Guinevere* [Там же, с. 131] – ‘Я думал о той неуправляемой страсти, которую Артур испытывал к Гвиневре. Он был ослеплен любовью, захвачен ею, сходил от нее с ума; Артур, сидящий по другую сторону от Гвиневры, сиял от удовольствия. Он всегда выглядел счастливым, когда был со своей Гвиневрой’. Са-

ма Гвиневра понимает, что Артур не способен реализовать ее амбиции, и начинает искать другие способы достижения своих целей: Мерлин: “... *Arthur, much as we love him, is not complicated. The things he desires are so pathetically simple; law, justice, order, cleanliness. He really wants everyone to be happy, and that's quite impossible.* [Там же, с. 101] – ‘...Артур – как бы мы его ни любили – несложно устроен. Вещи, о которых он мечтает, просты чрезвычайно: законность, справедливость, порядок и прозрачность. Он и правда хочет, чтобы все были счастливы, – а это совершенно невозможно’.

Два этих упущения привели к двойному предательству – Артура как правителя и как человека. Ланселот предал его, продавшись противникам Думнонии и покусившись на его жену, а Гвиневра предала веру в Артура не только как супруга, но, в первую очередь, как правителя, желая возвести на престол Ланселота. Именно с этого момента происходит слом в характере героя, а именно резкое изменение характеристик элемента «человек»; эта внутренняя организация персонажа происходит в третьей части серии.

Обобщая этап развития образа Артура, описанный во второй книге трилогии (см. рис. 1, схема в центре), стоит отметить, что ядерные характеристики персонажа входят в оппозицию: неизменным остается элемент «воин»; элемент «правитель» следует рассматривать с двух позиций: «идеальный правитель», которым Артур хочет стать в будущем (выделены на схеме астериском и курсивом), и его реальная характеристика – на стыке двух образов характеристика «миролюбивый». Коллизия между двумя элементами состоит в том, что Артур хочет быть правителем в мирной, процветающей стране и выступает против войн, но привести страну к такой жизни он может только посредством военных кампаний. В третьем элементе – «человек» – добавляется «твердость» (*hardness*), которая развивается под влиянием непростых жизненных обстоятельств и испытаний, через которые проходит герой.

V. Преобразование образа Артура

в третьей части трилогии - «Excalibur»

Корнуэлл, признанный исторический романист, выстраивает свой роман на противоречиях, создавая «кинематографическое ощущение конфликтов» [Nastali, с. 18] между христианством и язычеством, представлениями о правителе и военачальнике, о справедливости и героизме, о противоречии между общим и личным. В трилогии Артур представлен как талантливый, сильный воин, но это только одна сторона его личности. В романе «Эскалибур» трансформация образа про-

является в том, что король Артур находится на изломе двух сущностей: с одной стороны, он «легендарный правитель и воин», а с другой – «обычный человек», страдающий и глубоко несчастный. При этом именно вторая составляющая представляет особенный интерес для современного читателя, часто знакомого лишь с мифологической и героической стороной. Кроме того, именно вторая сторона Артура как литературного героя может стать близкой и понятной читателю, вызвать сочувствие и попытки объяснить поступки героя сквозь призму своего жизненного опыта и позволить мифу снова актуализироваться.

Вторым значимым противоречием становится проблема власти. Имя собственное – *Arthur* в тексте романа ни разу не упоминается в сочетании с привычным нам титулом (*King Arthur*) и только один раз с другим, нейтральным, титулом – *Lord Arthur* (1 пример), поскольку его нелегитимность как правителя становится основой противостояния с Мордредом. Мордред – законный сын Утера, а Артур – бастард, который дал клятву верности своему отцу и поклялся сохранить трон для младшего брата. Однако конфликт усложняется тем, что Мордред не обладает нужными качествами хорошего правителя, а Артур, обладая ими, излишне честен и верен своим клятвам: *[the] oath lay at the taproot of all Arthur's life*. С другой стороны, именно вариант *Lord King* используется для обозначения титула как самого короля Артура, так и его противников. При этом полное имя героя упоминается в тексте 4 раза: *Arthur ap Brochvael ap Perddel ap Cunedglas* (1); *Arthur ap Uther* (3).

В романе Б. Корнуэлла Артур представлен как хороший правитель; такой образ создается посредством двух глаголов: *rule* (1): *never wanted to rule; is unwilling to rule* и *govern* (2); при этом глагол *rule* часто употребляется с отрицанием. Во многих англоязычных словарях первые значения глаголов *rule* и *govern* обозначаются как ближайшие синонимы; однако значение глагола *rule* несколько более широкое и обобщенное по сравнению с глаголом *govern*. Таким образом, в контекстах из романа подчеркивается, что Артур не стремится достичь власти любыми способами, поэтому в силу обстоятельств он вынужден заниматься управлением королевства, не принимая на себя официального титула и сохраняя трон для Мордреда.

Дериваты глаголов *to rule* и *to govern* также встречаются в тексте: существительное *ruler* употребляется – в 10 из 15 контекстов, где речь идет об Артуре; при этом, как правило, производное слово использовано с оценочным прила-

гательным (the *true ruler* of Dumnonia; a *natural ruler*; its [*Siluria's*] *effective ruler*); существительное *Governor* (с заглавной буквы) употреблено один раз – таким титулом называет себя сам Артур (the *Governor of Siluria*), когда принимает в управление одну из областей королевства.

Существительное *leader* фиксируется в тексте произведения 26 раз, но преимущественно употребляется для обозначения должности военачальника или командующего войском или его частью; только в одном случае подразумевается Артур: *<...> Arthur, whether he wills it or not, is still the most famous leader in Britain* [Cornwell, т. 3, с. 241]. Примечательно, что в этом контексте имеются в виду лидерские качества героя как правителя и воина, а не его место в воинской иерархии.

Существительное *king*, как уже было указано выше, не используется в сочетании с именем собственным *Arthur*, что объясняется сюжетом трилогии – Артур не король, а военачальник в королевском войске и один из претендентов на престол Думнонии; только в последние годы жизни он становится правителем Силурии (the *Governor of Siluria*). Таким образом, из 185 случаев употребления существительного *king* во всех его словоформах (*K / king, K / kings, K / king's, K / kings'*) только в 15 примерах говорится об Артуре, при этом в 9 из них – в контексте отрицания (эксплицитного или подразумеваемого) его королевского статуса, а также о нежелании персонажа быть королем: *Arthur wouldn't become King; you are no King, Arthur ap Uther; Arthur is no King; Arthur was no taking; he [Arthur] does not want to be King; Arthur did not want to be King; о сыновьях Артура: no taking's son; his father was no king; everyman [here] is the son of a King except you*, а в остальных 6 – в контексте условного наклонения: Гвиневра об Артуре: *I always wanted Arthur to be the High King*; сын Артура Гвидр в беседе с отцом о претендентах на престол: *then you be the king, father <...> and then I shall be the son of a King; if he had ever chosen to be a king, <...> he would have been named High King; Arthur should have been a king*. Таким образом, ни в одном утвердительном контексте об Артуре не говорится как о короле.

Титул *Bretwalda* (другое название – the *High King*), использованное 2 раза, в одном контексте косвенно касается Артура: в диалоге Дервеля с отцом упоминается, что Артуру и Седрику предстоит начать очередную войну, чтобы решить, кому занимать главный трон (*to determine which of them should be the Bretwalda*). Титул *Emperor* использован применительно к Артуру один раз из девяти случаев употребления слова.

Существительное *warrior* («воин» – одна из главных составляющих образа Артура) встречается в тексте 115 раз, но в подавляющем большинстве речь идет о войске, поэтому в единственном числе слово использовано только 28 раз (в том числе 3 словоупотребления в притяжательном падеже). Однако ни один из контекстов не называет Артура.

С именем героя, в целом, в романе используется крайне мало прилагательных или существительных, несущих атрибутивное значение, но все использованные – оценочны и несут субъективную оценку героя другими персонажами: *poor Arthur* (2), *the old Arthur* (2), *clever Arthur* (1), *my beloved Arthur* (1). В зависимости от того, кто говорит об Артуре, его сторонники или противники, он предстает как полноправный правитель и мудрый, храбрый человек: *our once and future king* (1) или, напротив, как глупец, неумелый и непризнанный правитель: *fool* (2): *What a fool Arthur is!; make Arthur a fool, no king / no my king* (2).

Интересно, что дважды встречается фраза *Arthur, being Arthur* – в обоих случаях с позитивной коннотацией и подчеркивающая именно его индивидуальные, типичные характеристики: порядочность (*That she and Arthur were together last night, he said, 'though being Arthur, of course, they spent the night talking. He'll wear his tongue out long before his sword.'* [Cornwell, т. 3, с. 204] – «Они с Артуром всю ночь провели вместе, но, зная Артура, конечно, они провели всю ночь в разговорах. Язык для него гораздо важнее меча») и уважение к закону (*That was the law, and Arthur, being Arthur, worried about breaking it.* [Там же, с. 265] – «Таков был закон, и Артур, как ему и свойственно, не хотел его нарушать»).

Интересную смесь модернизации и архаизации представлений показывает развитие идеи справедливого правителя – одной из ключевых характеристик короля Артура. С одной стороны, закон – краеугольный камень современной европейской цивилизации. С другой – закон в романе напрямую ассоциируется с Артуром. Он является гарантом его исполнения: *I appointed the magistrates and so made sure that Arthur's justice continued. Arthur had always loved good laws, claiming they bound a country together <...> and he had taken immense trouble to appoint magistrates whom he could trust to be impartial. <...> If men can buy the law, Arthur had always said, then the law becomes worthless <...>*

[Там же, с. 224]. – «Я назначил членов магистрата, чтобы быть уверенным, что справедливый уклад, заведенный Артуром, сохранится. Артур всегда любил хорошие законы, считая, что они связывают страну воедино <...>; и ему стоило огромных усилий найти на должность магистров, в беспристрастии которых он был бы уверен. <...> Артур всегда говорил, что, если закон можно купить, он становится бессмысленным <...>».

Анализ текста романа подтверждает, что Артур – центр созданного художественного мира (см. рис. 2). Конструкция с притяжательным падежом достаточно частотна в романе, так как многие люди (А) и предметы (В) принадлежат ему, хотя могут также описываться и иные понятия (С), имеющие отношение к персонажу. Первая группа работает на поддержание образа сильного правителя, сюда относятся среди прочих других и наименования военных профессий того времени: *horsemen* (7), *man / men* (6), *enemy* (5), *spearman* (5) и несколько наименований, которые относятся к его семье: *son/sons* (7), *nephew* (1), *cousin* (1), *wife* (1), поскольку играют важную роль в развитии сюжета. Вторая группа также больше характеризует Артура как военного лидера, ибо заметно превалирование предметов и артефактов, которые так или иначе могут быть использованы в военных действиях: *banner* (8; в т.ч. *war-banner*), *bear* = *banner* (4, в т.ч. *blackbear*), *horse/horses* (5), *army* (2), *fleet* (2), *victory* (2), *helm* (1), *parchment* (1). Особенно интересной представляется группа С, куда попали все остальные слова – существительные в притяжательном падеже. Так, амбиции Артура (*Arthur's ambitions*) включают, с одной стороны, торжество закона, а с другой – победу над саксами: *And all he ever wanted was justice and good harvests. And a free Britain and the Saxons defeated.*

Употребление имени собственного сочетает обе «стороны» личности героя: правителя и полководца (особенно явно прослеживается в группах А и В, где преимущественно присутствует лексика военной сферы) и обычного человека (что видно по противоречивости характеристик персонажа, как в группе С). Более того, часть существительных в притяжательном падеже описывают противоречивые объекты или состояния и употребляются в близких контекстах: *life - death*, *lie - oath / promise*, *strength - misery*, *dream / hopes, shame / fault*.

Рис. 2. А – частотность слов, обозначающих людей, имеющих отношение к Артуру; В – частотность слов, обозначающих предметы, принадлежащие Артуру; С – частотность слов, обозначающих абстрактные понятия, связанные с Артуром.

Проанализировав все контексты и лингвистические способы выражения, мы распределили их по трем сферам жизни Артура: как человека, государственного лидера и военачальника и посчитали процентное соотношение. Результаты указывают: образ Артура в романе включает больше всего личных характеристик (36%) и тех, которые связаны с войной (48%); меньше представлений об идеальном лидере-правителе (16%). Это говорит о превалировании военной составляющей его образа в данной части трилогии. Неслучайно роман Б. Корнуэлла описывался критиками как «маскулинный нарратив военного прагматизма» [Rutledge, с. 241].

Интересным в тексте романа представляется идея о принадлежности каких-то сущностей, объектов или героев к миру Артура, что выражается преимущественно притяжательным падежом (157), а не конструкцией с предлогом of (9). Только три существительных (*tale*, *story*, *enemy*), являющиеся ключевыми для развития сюжета, фиксируются в обеих конструкциях, ср. *Arthur's enemy* и *enemy of Arthur*. Один раз встречается конструкция *friend of Arthur*, употребленная в

виде несогласованного приложения в характеристике Дервеля, что также выделяет конструкцию в тексте. Особого внимания заслуживают также две конструкции – *a thing of Arthur's*, *a supporter of Arthur's*, отличающиеся избыточной маркированностью, которая, однако, оправдана значимостью фраз в произведении и необходимостью привлечь внимание к тем, кто описывается.

В ходе развития сюжета герой совершает множество действий (см. рис. 3), что характеризует его как деятельного персонажа. Согласно корпусному исследованию текста, имя персонажа наиболее часто выступает в коллокациях с глаголами говорения: *say* (55), *ask* (21), *tell* (23). Нередко глагол *say* употребляется с наречием образа действия (*grimly*, *worriedly*, *gloomy*, *sharply*, *fiercely*, *irritably*, *in exasperation*, *confidently*, *firmly*, *hurriedly*, *calmly*, *mildly*), что характеризует короля Артура как эмоционального героя. Превалирование наречий, относящихся к лексико-семантическим группам, выражающим негативные эмоции (чаще раздражение и резкость), показывает равнодушие героя к проблемам в его королевстве.

Рис. 3. Лексико-семантические группы, выражающие действия Артура

Помимо наречий, довольно широкий спектр эмоций героя описываются посредством глаголов: *shout* (10), *laugh* (3; *l. sourly*), *gesture* (2), *smile* (2; *had rarely smiled*(1), *grimace* (1), *grumble* (1), *be frightened* (1), *love* (1), *add sarcastically* (1). Следует отметить, что отрицательные эмоции как реакция на трудные жизненные ситуации свойственны людям; следовательно, обилие и многообразие наречий с ингерентно отрицательной коннотацией свидетельствует об активном проявлении «человеческой» стороны в персонаже.

Характер Артура противоречив: он может быть милосердным и мстительным; ему не чужды гордость, тщеславие и амбиции; у Артура сложное отношение к религии: он не верит в старых богов и не может поверить в христианство. Главная же проблема и даже беда Артура «как простого человека» заключается в том, что он хотел бы себе другой жизни, вспомним, как Гвиневра говорит об Артуре: *...he does not want to be King*. Однако эта мечта недостижима в силу обстоятельств, поэтому герой одинок и несчастен (Гвиневра об Артуре: *I know him so well I can describe him in one word. <...> Lonely. He's lonely <...> like me.* [Cornwell, т. 3, с. 175] – «Я знаю его так хорошо, что могу описать его одним словом. Одинок. Он одинок, как и я.»)

Две стороны персонажа тесно переплетаются, однако «человек» превалирует над «легендой»: успех и поражения Артур принимает близко к сердцу, неудачи и поражения как воина и правителя отражаются на его второй составляющей.

Существительное *man* также апеллирует к проявлениям человеческой сущности в персонаже; 19 контекстов с данным словом (в том числе 32 случая употребления *man's* в притяжательном падеже) из 248 относятся к Артуру. В большинстве случаев прослеживаются две закономерности употребления существительного *man* по отношению к персонажу: оно появляется в непосредственной близости от имени собственного в рядом стоящих фразах, и, как правило, слово *man* употребляется чаще с качественным прилагательным или атрибутивной конструкцией (*a happy man*, *so hurt*; *the man of cheerful enthusiasm*; *<had never been>a man of frightening presence*) или в сравнительных конструкциях с прилагательным (*Arthur is missed like no other man was ever missed in all of Britain's history*; *a man is kind as any I have known*). Таким образом, существительное *man* используется автором исключительно для описания персонажа как обычного человека, наделенного разнообразными чувствами. Употребленное преимущественно в контекстах, связанных с эмоциями и переживаниями – позитивными и негативными, слово снимает амбивалентность употребления имени собственного персонажа (которое применяется для обозначения и Артура-героя и Артура-человека) и усиливает эмоциональную составляющую.

Итак, корпусное исследование ключевых наименований персонажа в печатной версии романа Б. Корнуэлла «Эскалибур» показывает, что для отражения в дискурсивном пространстве образа персонажа, объединенного именем собственным *Arthur*, тесно переплетаются две категориальные линии – «легенда» и «человек». «Ар-

тур как правитель и воин» представлен более широким лексическим диапазоном элементов, куда входят такие единицы как *king, ruler, governor, Bretwalda, emperor, leader*, которые употреблены в контексте власти, управления, престолонаследия. Вторая группа содержит указание на то, что «Артур является обычным человеком», что находит отражение в слове *man*, которое фиксируется в контекстах, когда говорится о чувствах или частной жизни персонажа, подчеркнутых большим количеством прилагательных и наречий, обозначающих широкий спектр чувств и эмоций. И хотя суммарно не наблюдается численного превосходства первой лексической группы (23 случая) от второй (19 случаев), описание Артура как «человека» более экспрессивно, чем описание его как «легендарной личности», и нередко эмоционально окрашено.

В заключительной части романа образ Артура состоит также из трех элементов. Характеристика элемента «воин» остается неизменной на протяжении всей трилогии; важно, что этот элемент восходит к легенде, входит в состав ядра понятия и выделяется в ходе концептуального анализа. Элемент «правитель» также не претерпевает существенных изменений в третьей части – важно отметить, что часть «идеальный правитель», каким Артур хотел бы видеть себя и каким, по мнению других персонажей, он бы стал, заменяется на характеристику «прирожденный» (данную Артуру Дервелем), которая включает в себе «идеальные» свойства. Кроме того, неизменной характеристикой на протяжении всей трилогии остается миролюбивость героя, его принципиальность и благородность (которые выражаются в верности клятвам, последовательности в соблюдении данных обещаний и принятых решений). Гораздо сильнее меняется элемент «человек»: из оптимистичного и амбициозного молодого героя он превращается в недовольного жизнью, одинокого, преданного близкими и глубоко несчастного человека.

Подводя итоги описания образа Артура в его развитии, следует отметить, что литературный Артур складывается из двух частей: легендарное «ядро» (воин и правитель) и художественная часть («человек») (см. рис. 1, схема справа). При этом ядро остается практически неизменным на протяжении трилогии, хотя и испытывает влияние «человеческой» стороны персонажа. Элемент «человек» – область авторской фантазии и средство трансформации исходного образа, приближения мифа к современному читателю. Бесспорно, мотив предательства Артура также взят из легенды, однако реакция персонажа и его изменения после переломного события «очелове-

чивают» образ, уводя его дальше от легендарной основы.

VI. Заключение

Как показало исследование, Бернард Корнуэлл, опираясь на ключевые характеристики мифологического Артура и встраивая их в свое повествование, тем не менее, делает Артура психологически близким и понятным современному читателю, расширяет и развивает те признаки, которые находились на периферии концепта. Процесс демифологизации проходит через постепенное очеловечивание главного героя, рассмотрение многочисленных точек напряженности и противоречий в динамике, когда каждый сделанный выбор меняет художественное пространство. Наиболее значимыми точками противоречия в данной трилогии являются: дискурсивность и реальность его существования, героическая и человеческая сущность, противоречие между идеальным и реальным правителем.

Работа поддержана грантом Российского научного фонда №_18-78-00128 «Метаморфозы знака и значения в мифе XX–XXI веков».

Список литературы

- Комова Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры. М.: МАКС Пресс, 2005. 120 с.
- Миранович Е. А. Мифологический образ Героя: традиционные и современные формы // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2006. № 1 (39). С. 84–89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24601648> (дата обращения: 08.05.2020).
- Серенков Ю. С. Особенности культурного наследования литературных традиций (На материале «Артуровской легенды»): Монография. М.: Флинта, 2012. 223 с.
- Шарапова А. А. Структурирование информации в словарной статье (на материале лексикографических источников о короле Артуре) // Когнитивные исследования языка, 2014. № 17. С. 540–548.
- Cornwell B. The Warlord Chronicles: The Winter King, Enemy of God, Excalibur. UK, McMillan Publishers, 1997 – 1999. URL: https://royallib.com/book/Cornwell_Bernard (дата обращения: 08.05.2020).
- Eliade M. The Sacred and the Profane: The Nature of Religion. New York: A Harvest Book, 1963. 213 p.
- Nastali D. Arthur without Fantasy: Dark Age Britain in Recent Historical Fiction // *Arthuriana* 9.1, 1999. № 5. Pp. 5 – 22.
- Rutledge A. A. The Grunts' King Arthur: Civic Humanism, Masculinities, and Legend in the Novels of Jack Whyte and Bernard Cornwell // *Medieval Paradigms*, 2005. Pp. 239 – 250.
- Snyder Christopher A. The Use of History and Archaeology in Contemporary Arthurian Fiction // *Arthuriana* 9.3, 2009. Pp. 114–122.

Thompson R. H. Interview with Bernard Cornwell // The Camelot Project, 2013. URL: <https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/thompson-interview-cornwell>. (дата обращения: 08.05.2020).

References

Cornwell, B. (1997 – 1999). *The Warlord Chronicles: The Winter King, Enemy of God, Excalibur*. UK, McMillan Publishers, URL: https://royallib.com/book/Cornwell_Bernard (accessed: 7.05.2020). (In English)

Eliade, M. (1963). *The Sacred and the Profane: The Nature of Religion*. P. 213. New York, A Harvest Book. (In English)

Komova, T. A. (2005). *Kontsepty iazyka v kontekste istorii i kul'tury* [The Concepts of Language within the Framework of History and Culture]. 120 p. Moscow, MAKSS Press. (In Russian)

Miranovich, E. A. (2006). *Mifologicheskij obraz Geroia: traditsionnye i sovremennye formy* [The Mythological Image of a Hero: Traditional and Modern Forms]. *Vesnik Vitsebskaga dzjarzhaŭnaga universiteta*. No. 1 (39), pp. 84 – 89. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24601648> (accessed: 7.05.2020). (In Russian)

Nastali, D. (1999). *Arthur without Fantasy: Dark Age Britain in Recent Historical Fiction*. *Arthuriana* 9.1. No. 5, pp. 5 – 22. (In English)

Rutledge, A. A. (2005). *The Grunts' King Arthur: Civic Humanism, Masculinities, and Legend in the Novels of Jack Whyte and Bernard Cornwell*. *Medieval Paradigms*. Pp. 239 – 250. (In English)

Serenkov, Ju. S. (2012). *Osobennosti kul'turnogo nasledovaniia literaturnyh traditsii (Na materiale "Arturovskoi legendy")*: Monografiia [Peculiarities of the Cultural Inheriting of Literary Traditions (Based on Arthurian Legend): A Monograph]. 223 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

Sharapkova, A. A. (2014). *Strukturirovaniye informacii v slovarnoj stat'e (na materiale leksikograficheskikh istochnikov o korole Arture)* [Information Structuring in the Dictionary Entry (Based on the Lexicographic Sources about King Arthur)]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, No. 17, pp. 540 – 548. (In Russian)

Snyder, Ch. A. (2009). *The Use of History and Archaeology in Contemporary Arthurian Fiction*. *Arthuriana* 9.3. Pp. 114 – 122. (In English)

Thompson, R. H. (2013). *Interview with Bernard Cornwell*. The Camelot Project. URL: <https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/thompson-interview-cornwell>. (accessed: 08.05.2020). (In English)

The article was submitted on 01.06.2020

Поступила в редакцию 01.06.2020

Шарапкина Анастасия Андреевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
преподаватель,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, ГСП-1.
warapkova@mail.ru

Сапунова Ольга Валерьевна,
аспирант,
специалист по УМР 2 кат.,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, ГСП-1.
knyazhna-mery@yandex.ru

Sharapkova Anastasia Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Senior Researcher,
Assistant Professor,
Lomonosov Moscow State University,

GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
warapkova@mail.ru

Sapunova Olga Valerjevna,
graduate student,
Teaching and Learning Specialist,
Lomonosov Moscow State University,

GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
knyazhna-mery@yandex.ru